

“НОМО EBRIUS” В АНТРОПОЛОГИИ РУССКОЙ СМУТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

П.П. Марченя

Homo ebrius – «Человек пьяный» (или *Homo nimii vini* – «Человек, чрезмерно пьющий») – являлся и, увы, является одной из реальных движущих сил всевозможных «смут», массовых насильственных действий, масштабных беспорядков и прочих социальных отклонений в истории человечества в целом. Вопрос о степени влияния алкоголя на ход именно *русской* истории вообще относится к числу самых болезненных и противоречивых. Но еще А.Н. Радищев так писал об исключительной значимости этого вопроса для всей нашей истории в целом (*сохранена орфография и пунктуация издания. – П.М.*): «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. – Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейсѣ обгагреной кровию от оплеух, **многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!**»¹ (*выделено мной. – П.М.*).

Безусловно, проблема, вынесенная в заглавие статьи, обладает известной специфичностью, требующей особой интеллектуальной осторожности и от автора, и от читателя: слишком легко из предмета научного исследования и философского осмысления она может перейти в предмет публицистических спекуляций и псевдофилософских обобщений. Однако сложно отрицать, что проблема эта действительно свойственна русской культуре, в том числе и культуре «политической». Как метко подметил в статье «Русский этос» (исследование в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Образ России: национальное самосознание и современность») А.Е. Зимбули: «С трудом представляю себе, что еще в каком-то языке столь сближены, как в русском, слова “поддаваться” и “подавать”, “подданные” и “подающие”... Если

современный английский богат вкладом в области, сопряженной с такими понятиями, как *маркетинг, мониторинг, имиджмейкер, PR, кастинг, менеджер, глобалистика*, французский запечатлен всемирноупотребляемыми словами *парламент, премьер-министр, революция, гильотина, дуайен*, итальянский знаменит своими словами *опера, сопрано, тенор, форте, пиано, глассандо, крещендо, диминуэндо*, мы можем похвалиться такими изобретениями, как *самогон, сивуха, шуровик, ханыга, похмелье, посошок, с бодуна, перегар, чекушка, стопарь, наливай, плесни, остограммитесь, залить зенки, принять на грудь, шандарахнуть, вздрогнуть, заложить за воротник, загудеть, нализаться, надраться, наклюкаться...*².

Проблема научного междисциплинарного осмысления «человека пьяного» по праву занимает важное место в комплексе вопросов, связанных с изучением различных аспектов действительного («непричесанного») участия народных масс в истории (как и реальных проявлений феномена массового сознания на ее критических этапах). При этом «пьяная тема» в контексте своеобразной «антропологической химии» смут и революций одновременно является и одной из наиболее «жареных» и, казалось бы, «всем понятных», и, вместе с тем, – наименее систематизированных и понятых. Да и сама тема представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду далеко не последнюю по значимости социально-психологическую (или даже «социально-химическую») предпосылку пресловутой «бессмысленности и беспощадности» русского (но, разумеется, не только *русского*) бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной компоненты социально значимого поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «антропохимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «хрониках революционных событий» так называемые «революционные

движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена».

Современные социологи указывают на неизжитую и в нынешней России актуальность «алкогольного фактора» в «переходные периоды» отечественной социальной жизни: «Проблема пьянства и связанных с ним последствий для России всегда была острой, болезненной. В силу целого ряда обстоятельств: характера народных традиций и обычаев, уровня культуры и материального благосостояния, особенностей природно-климатических условий – негативное воздействие данного социального явления на развитие сферы жизнедеятельности общества проявлялось в отличие от многих других стран особенно остро»³.

К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясений, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе наименование «северного стиля»⁴, закономерно становится уже не только обязательным элементом народной обрядности и привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Именно «употребление» зачастую предшествует всяким прочим «злоупотреблениям». По известному выражению, приписываемому Р. Киплингу, «поймите меня правильно: всякий русский – милейший человек, покуда не напьется»⁵. Однако давно известно: народ подкупить нельзя, но его можно сподручить. И еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших и (или) еще желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский/славянский пир: «Кто хочет пить и есть из готового – валится к Ваське на широкий двор». Да и былинный святой (*sic!*) богатырь Илья Муромец, бывало, обидевшись на князя, не гнушался созывать массы сходным кличем: «Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские! Ступайте пить со мной заодно зелена вина...», – что отдельные исследователи склонны рассматривать как древний прообраз всей русской революции

(ведь изрядно вкусив «зелена вина», славный богоугодными делами народный герой вместе с собравшейся «голью» готовы были «стрелять по Божьим церквам, да по чудесным крестам, по тым маковкам золоченым», «обирать на царев кабак, продавать маковки золоченые», брать «золоту казну бесчетную» и творить прочие «освободительные» акции...) ⁶.

Голпы нетрезвых сторонников *буславской «политической платформы»* и манипулирующие ими пассионарные авантюристы, вожди, жожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего государства и общества. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь становится фактором политической истории, своеобразно консолидирующим *Традицию и Революцию*: мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений нередко напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом социальной психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

Актуализация и «политизация» подобных массовых настроений и архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и собственно алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для «политических» лозунгов типа: «*Грабь награбленное*» (фактически традиционного: «*Сарынь на кичку*»). Кроме того, стоит учитывать и тот, свойственный русским социокультурным традициям психологический факт, что в России – *внеюридически* – состояние опьянения, как правило, воспринимается человеком и обществом как «*смягчающее обстоятельство*» (исторически сложилось так, что, по «русской моральной шкале», человек, совершивший злодеяние, не будучи при этом ни пьяным, ни одержимым, априори оценивается гораздо строже). Поэтому, предполагая в ближайшем (непосредственно) будущем совершение очевидно (для трезвого сознания) неблагоприятных поступков, «традиционный» человек стремится (сознательно или неосознанно, заранее или по ходу

действия) привести себя в соответствующее состояние – тем самым как бы частично оправдывая себя перед судом общественного мнения и собственной совести. Очевидно, что пьяного легче подвинуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предметом экспроприации будет еще и сама выпивка – как повод к продолжению «праздника революции» (как говорили в народе, «где вино, там и праздничек», «без блинов не масленица, а без вина не праздник», «кто празднику рад – тот до свету пьян»⁷...). Очевидно так же и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть. Поэтому *Homo ebrius* являлся (и является) мощным фактором, который можно использовать в политической борьбе.

«Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы...», – эти популярнейшие строки «Солнца русской поэзии» применимы к роковым событиям истории не всегда лишь в переносном смысле. «Упоение» на «пиру во время чумы» нередко следует понимать в прямом смысле этого слова, так же, как и «упившихся» до «боевого» умопомрачения людей приходится признавать немаловажными участниками масштабных социально-политических процессов. Истоиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующих – и связанные с этим социальные девиации составляют изрядную (если не непременно) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость усмирить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной *Власти*, способной восстановить трезвый порядок, становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к социальной норме.

Таким образом, тема *Homo ebrius* / *Homo nimii vini* приобретает совершенно особый интерес в попытках осмысления феномена «Русской смуты», повторяющейся в отечественной истории с печальным постоянством⁸ (как минимум, в качестве «Великих смут России» на сегодняшний день научно признано

не менее «трех полномасштабных (системных) кризисов империи: Смута начала XVII в., революционный взрыв начала XX в., нынешнее состояние России»⁹, образующих некую «триаду “смутных времен” России»¹⁰). В настоящей статье поставленная проблема иллюстрируется, в первую очередь, материалами так называемой «Второй русской смуты» – ибо «Первая смута», сменившая династию Московского царства на стыке Средневековья и Нового времени, была уже относительно давно – и реалии с тех пор во многом изменились; а «Третья смута», развалившая Советский Союз, еще не может считаться законченной – и в условиях того, что происходит сейчас на постсоветском пространстве, итоги этой смуты подводить явно преждевременно (хотя роль *Homo ebrius* в событиях, например, ГКЧП и последовавшего за ним распада СССР, или Майдана и последовавшего распада Украины явно заслуживает исследования). Стоит также уточнить, что речь пойдет о *Homo ebrius* как явлении массовом, а не о персональной роли в истории отдельных пьяных личностей (хотя и эта тема тоже, несомненно, представляет актуальный интерес: неслучайно, например, так популярно в народе мнение, что и всю великую советскую империю в ходе последней смуты развалили «три пьяных клоуна»...).

Итак, сосредоточимся прежде всего на материалах «Второй смуты». Или даже на очень кратком (но чрезвычайно поучительном и исторически сконцентрированном) периоде от Февраля к Октябрю, когда именно толпы *Homo ebrius* и чинимые ими пьяные погромы во многом и определяли отчетливый сюрреализм «российского народовластия» образца 1917-го, фиктивный характер так называемой «февральской демократии» в целом и общую динамику ее социокультурного и политического крушения. В таком контексте Смута–1917 вполне может служить хрестоматийно-классическим примером превращения алкоголя в политическое оружие массового поражения.

Вообще, стоит предварительно заметить, что в ситуациях смут, революций и прочих массовых социальных катаклизмов даже один только факт непосредственной принадлежности человека к активно творящей историю массе уже сам по себе способен порождать состояние «опьянения» – причем не только от самозабвенного «упоения бунтом» в худшем смысле этого слова¹¹, но и от чувства причастности к событиям

подлинно исторического масштаба, от радостного осознания личного соучастия в крушении «старого мира» и созидании «мира нового», «нового неба и новой земли». Э. Верхарн (в переводе М. Волошина) сформулировал это чувство так: *Что нам до ветхих мудростей, до солнц / Закатных, отплывших истин? / Вот час, кипящий юностью и кровью, / Вот ярый хмель столь крепкого вина, / Что всякая в нем гаснет горечь...*

Увы, очень часто «хмельное вдохновение» не остается всего лишь поэтическим образом, а получает конкретную химическую подпитку и становится одной из реальных психофизиологических причин охватывающего революционную эпоху социального безумия.

В определенном отношении, «смутное время» и *Homo ebrius* вообще неразделимы, как неразделимы состояние опьянения и состояние смуты (в душах, умах, народах, государствах...). Как еще почти за год до известных событий Февраля 1917 г. пророчески выразил «смутное», но уже заведомо «пьянящее» предчувствие надвигающейся «смуты» О. Мандельштам:

*О, этот воздух, смутой пьяный
На черной площади Кремля.
Качают шаткий «мир» смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.
Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.
А в запечатанных соборах,
Где и прохладно и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.
Успенский, дивно округленный,
Весь удивленья райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.
Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, –
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...*

Разумеется, Мандельштам пишет о «вине» скорее иносказательно, имея в виду прежде всего духовное «опьянение». Но само обращение именно к такого рода символам при

описании предчувствия русской смуты и ее дальнейших событий отнюдь не случайно – и в русской поэзии, и в русской философии. Любопытны в этой связи и, например, выводы Н.А. Бердяева в его знаменитой «Судьбе России...» (в главе с символическим названием «*Темное вино*»): «Старая Россия и должна опьянять себя в час разложения и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступает место жизни новой. Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент оргии. И история окружает этот конец фантастикой»¹².

В конце концов, «игра русского вина» и разбойный, соборно-лесной «спрятанный огонь» все же выбили шаткую, насквозь прогнившую пробку одряхлевшего самодержавия. Но, вырвавшись на «воздух, смутой пьяный», они оказались вовсе не только красивыми художественными метафорами. Выяснилось, что выпущенный на волю джинн неведомой, «новой» – «*Красной смуты*» – имеет много общего с хорошо знакомым, «старым добрым» – «*Зеленым змием*»¹³.

Показательно, что и смуте 1917 г., и смуте, начавшейся в 80-е гг. XX в., предшествовали антиалкогольные кампании, вводимые в ходе которых жесткие ограничения на потребление алкоголя не только не оказывались достаточно эффективными в долговременной исторической перспективе¹⁴ («все попытки прямых и косвенных ограничений давали обратный эффект»¹⁵), но, напротив, еще и усугубляли (а в определенной мере даже порождали и генерировали) особую социально-психологическую атмосферу и динамику массовых процессов отечественных «смутных времен». Кстати, Смуте XVII в. тоже предшествовали алкогольные преобразования 90-х гг. XVI в., и, теоретически, можно предположить наличие вполне определенной, устойчивой причинно-следственной связи между попытками изменений в этой сфере «сверху» и реакций на них «снизу», типичность которых находит выражение во всех трех «Великих смутах» российской истории. В рассматриваемом контексте трудно не согласиться с теми из исследователей, которые подчеркивают, что «...сухой закон сыграл поистине роковую роль в русской истории»¹⁶. В генезисе русских смут ус-

матривается явная «алкогольная закономерность», включающая в себя повторяемую последовательность: смуте предшествует «сухой закон». Последний, в свою очередь, расстраивает один из важных механизмов сбалансированности в системе взаимодействия власти и общества России и подготавливает почву для прорыва в сферу публичной политики внеполитической стихии массового буйства.

Традиционным антиподом бессмысленности социально-политических действий и психологически глубоко укоренившейся в народном сознании (причем привычной сознанию и массовому, и элитарному) формой протеста против неадекватных шагов власти в России является пьянство (и, хотя и не целиком обусловленный последним, но по-соседски тесно с ним взаимоповязанный бунт). Одним из своих «исконнейших» гражданских прав многие русские люди считают «святое право» – в ответ на любые несправедливости власти, социальные тяготы и неурядицы – первым делом как следует напиться.

Еще раз оговоримся: конечно же, не только русские люди склонны именно к такой «философско-химической» реакции на «подлость бытия», но, пожалуй, в России взаимосвязь и взаимозависимость (в том числе, и возможность «взаимоперетекания») «гражданского протеста» и «гражданской пьянки» действительно более актуальны, чем, например, в Западной Европе. Небезосновательным выглядит предположение, что русские в целом более склонны придавать обычной для европейцев алкогольной релаксации «гражданский», «патриотический», «политический», «моральный», «протестный», «революционный и т.д. характер. В рамках поставленной проблемы представляют интерес, например наблюдения небезызвестного А.С. Изгоева, который, сравнивая известные ему не понаслышке «пьяные гулянки» студенческой молодежи тогдашних России и Германии, сделал такие выводы: «Немецкий студент, “бурш”, с его корпорациями, их глупыми обрядами, шапочками, дурачествами, кнайпами, мензурами-дуэлями и прочими атрибутами, ничего, конечно, кроме чувства презрения, в русском передовом студенте не возбуждает. И, понятно, во всем этом нет ничего привлекательного. Но не надо и тут преувеличивать. Лично я всего только один раз видел пирующих немецких корпорантов.

Зрелище не из приятных и отвечающее в общем тому, что о нем пишут. Но должен сказать, что это глупое веселье молодых бычков все же не возбуждало во мне такого тяжелого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся большей частью ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т.д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и “Дубинушку” и “Укажи мне такую обитель”...»¹⁷. Понятно, что сказанное относится не только к студентам... И не только к интеллигенции или, напротив, к народным «низам». Стремление «рядить» буйство «пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби» проявляло себя в рассматриваемых нами событиях на всех уровнях социальной жизни, и, пожалуй, его можно считать одной из качественных характеристик так называемой «русской смуты» в целом.

У такой социально значимой реакции (при определенных условиях легко способной перерасти в социальную патологию) есть свои глубинные онтологические основания. По образному определению Б. Шоу, «алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь». А, выражаясь языком пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем, «*напиться*» («*зашибить дрозда, сполоснуть зубы*», «*уйти под муху*», «*побыть на втором звезде*»...) – это в первую очередь значит «*двинуть от всех скорбей*»... «*Такую горечь – горьким и запить*»... «*Хошь не хошь, а выпить надо*», ибо «*без поливки и капуста сохнет, не пить, так на свете не жить*», «*пить – горе, а не пить – вдвое*» и т.д. и т.п. (показательно, что только Далею в свое время собрано, по крайней мере, около четырех сотен русских народных поговорок, непосредственно посвященных теме пьянства (и это не считая косвенно с ней связанных)¹⁸).

Периодическое пьянство как архаический элемент народной «карнавальной»¹⁹ культуры традиционно являлось

мерой сброса эмоционального перенапряжения в обществе с целью профилактики *тотального бунта*. Вообще, как сформулировал, например, Р. Генон, возможность циклического «карнавального» удовлетворения влечений «человека толпы» к «низшему», «темному», «зловещему», «сатанинскому», имеет жизненно важный социальный смысл: «...Он заключается в том, чтобы каким-то образом “канализировать” эти влечения и сделать их, насколько это возможно, безопасными, дав им возможность проявиться лишь на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, заключив их тем самым в тесные рамки, которых они не в силах переступить. В противном случае эти склонности, не получая минимального удовлетворения, требуемого современным состоянием человечества, могли бы вызвать своего рода взрыв, чьи последствия сказались бы на всей совокупности как индивидуального, так и коллективного бытия, послужив причиной куда худшего беспорядка, чем тот, который допускается всего на несколько дней, специально отведенных для этой цели, и который, кроме того, куда менее страшен, поскольку он отчасти “регулируется” этими ограничениями, ибо, с одной стороны, карнавальные дни как бы выпадают из обычного распорядка вещей, не оказывая на него сколько-нибудь значительного влияния, а с другой – тот факт, что в них нет ничего непредвиденного, в некотором роде “нормализует” сам разлад и включает его во всеобщий порядок»²⁰.

Власти предреволюционной эпохи не учли, что «судьбой закон» в конкретно-исторических условиях России того времени являлся комплексным (биосоциальным, социокультурным и политико-психологическим) фактором, не предотвращающим и погашающим, а напротив – провоцирующим и продуцирующим всенародную смуту. Отчасти этим можно объяснить и «эпилептоидную» смену абсолютным большинством населения России, крестьянством, обычного «коллективного долготерпения» – на внезапные «вспышки стадной ярости»²¹. Как метко подметил иностранец (английский писатель М. Уоллес, живший в русской деревне еще в последней трети XIX в.): «Нет в мире более добродушного и миролюбивого класса населения, чем русские крестьяне; если не пьяны, они никогда не дерутся»²². Однако именно

«...выпивка для крестьян являлась единственно доступным удовольствием, дававшим возможность на время забыть обычную тяготу и неприглядность жизни. <...> В этом следует видеть проявление психологии русского мужика. Как надрывался пахарь в поле до разрыва жил, так он и пил вино, на полную катушку, до беспамятства»²³. «Ведь как мы работаем! – Ну, тоже и праздновать хочется. А как нам праздновать? В городе у вас киятры [*театры – П.М.*] разные, музыка, катанья да гулянья, – а у нас какое веселье? Выпьешь бутылочку, зашумело в голове – вот и весело, вот и все наше мужицкое веселье!!!»²⁴.

Но особенно больно «сухой закон» бил именно по главным, авангардным революционным силам российских городов – по «фабричным» и «гарнизонным»: «богатая публика обходила запреты, в деревнях крестьяне гнали самогон, а вот рабочим, как и солдатам, приходилось терпеть жизненные тяготы на трезвую голову»²⁵.

Лишенные возможности канализации социальной агрессии в привычной форме и доступным способом, массы копили энергию социального взрыва. Ущемленные в своем «естественном» праве «спускать пар» в пьяном забытьи, дарующем хотя бы иллюзорное облегчение от всех жизненных невзгод (число которых, заметим, резко возрастало именно накануне и в ходе смуты), взвинченные вынужденным временным воздержанием от алкоголя, – массы бросились активно наверстывать упущенное, когда смута «революционным порядком» отменила соответствующие ограничения и выпустила накопившееся напряжение в социальную сферу. Аккумулированный «сухим законом» массовый психологический «пар» вырвался со страшной силой, сокрушая основания признанного несправедным «старого мира».

Фиксируя события русской революции в дневниках, или вспоминая их впоследствии в мемуарах, многие очевидцы отмечали необычную патологическую злобу и внешне беспричинную, немотивированную агрессивность, охватывавшие человека в возмущенной толпе, когда он «...разбивает винный склад и гибнет от запоя... портит и расхищает всякое, не принадлежащее ему имущество, как казенное или городское, так и частное»²⁶.

Несложно заметить, что разрушать вообще сподручнее, да и гораздо «веселее», спьяну. Однако, как давно уже подмечено самим народом: *«вино сперва веселит, а там без ума творит»*. На смену куражу пьяного «веселия» празднующей революционный хмельной карнавал народной Руси неизбежно заступала горечь тяжкого «похмелья», что усугубляло «революционное» ожесточение и пролонгировало желание вновь «развеселиться».

Подобные микроциклы (круговорот которых вполне соответствовал логике еще одной русской народной поговорки: *«Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко»*) в поведении определенной части активных участников изнаночной жизни русской революции оказывали заметное воздействие на динамику смуты. Как сформулировала в статье со знаковым наименованием «Алкоголь и русская революция» современный исследователь Т.А. Павлова: «Не придавая роли алкогольной агрессии в насилиях времен русской революции исключительного значения, следует, однако, отметить: нарастающий вал кровавой, изощренной, часто бессмысленной жестокости в немалой мере был обусловлен массовым и систематическим отравлением людей плохо очищенным алкоголем. Потребление его растормаживало низшие инстинкты, страсти и влечения, отнимало способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождало импульсивность и неуправляемость. В свою очередь состояние абстиненции (похмельный синдром) множило чувства гнева, раздражения, озлобленности, стремление выместить на беззащитных людях любого класса и социального статуса... свою неконтролируемую агрессию. Эти психофизиологические процессы отчасти объясняют тот внезапный взрыв “революционной истерии”, который имел такие пагубные последствия для истории России»²⁷.

Поэтически обобщенное художественное видение такой всенародной хмельной истерики «русской смуты» ярко иллюстрируют стихи С. Бехтеева, написанные по свежим впечатлениям (в ноябре 1917 г.) от знакомства с некоторыми результатами «революционной демократии»:

*Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловещий набат
Совесь навеки хоронит.*

*Дергает веревье страшный звонарь
С злобой и яростью пьяной;
В зареве красном зловонная гарь
Носится в дымке туманной.*

*Громко скликает гудящая медь
– Чернь на кровавое вече:
Рвется на волю двуногий медведь,
Падая кубарем с печи.*

*...Рушатся кровли церквей и палат,
Падают в парке березы;
Эхом звериным далеко звучат
Вопли, хулы и угрозы.*

*Челядь под крики и звон топоров
Празднует праздник свободы
С песнями пляшут у ярких костров
Диких людей хороводы.*

*Льется сивуха; ликует разврат;
Боги летят с пьедесталов;
Зычно скликает погромный набат
К падали красных шакалов.*

*Шапка упала к ногам звонаря;
Ждать, мол, осталось немного:
Выкинул он из России Царя,
Выкинет к стати и Бога.*

*Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловещий набат
Совесь навеки хоронит...*

Вообще, начиная с Февраля, все происходящее с Россией у многих наблюдателей ассоциировалось прежде всего с всенародным «опьянением». И.Л. Солоневич позже запишет это так: «...Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, – какая великая безмозглость спустилась на страну. Стотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге – эти стада: проклятое кровавое самодержавие – кончилось! Над миром восстает заря, лишенная “аннексий и контрибуций”, капитализма, империализма,

самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая всякое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба. Они были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами – и гражданскими, и мировыми – полным опустошением половины России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, – они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: XX век, культура, трамваи, Карл Маркс, ватерклозеты, эсэры (*так в тексте. – П.М.*), эсдеки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, – и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей...»²⁸.

Справедливости ради стоит отметить, что для широких масс (да и не только для масс) восприятие всего происходящего в России с Февраля «на трезвую голову» действительно было, мягко выражаясь, затруднительно. В результате, настроение обывателя в целом, и, в особенности, отношение его к немногочисленным «трезвым речам» всевозможных «разъяснителей» и «увещевателей», было сродни удачно переданному в старом, но отнюдь не утратившем актуальности стихике Д. Давыдова: *Говорят, умней они... / Но что слышим от любого? / «Жомини да Жомини!» / А об водке ни полслова...*

Причем показательно, что многие свидетели, очевидцы и участники русской смуты 1917 г. при описании самых разноплановых ее событий, не сговариваясь, используют «алкоголесодержащую» лексику и непосредственно связанные с алкоголем эмоционально-художественные образы.

«Теперь не к стати воздержанье: / Как дикий Скиф хочу я пить!», – выразили художественное видение основного настроения смутного времени поэты Серебряного века в программном сборнике «Скифы», прозой уточнив, что *«бывают времена и сроки, когда еще преступнее [чем “пьянст-*

вовать бесчинно”. – П.М.] “жизни пьяное вино растворять водю трезвой”²⁹. «Ты – бездомная, гулящая, хмельная, Во Христе юродивая Русь» – с грустью, но и с какой-то смутной гордостью признавал М. Волошин³⁰. Куда более жестко и лаконично – исчерпывающим термином «кабак»³¹ – определял всю совокупность «ослепительных достижений нашего Февраля» в целом И.Л. Солоневич. О «революционной сивухе»³² (равно как и о «демократической сивухе»³³), отравлявшей сознание русского народа и русской интеллигенции³⁴, писал С.Н. Булгаков, описывавший Февраль так: «Все радовались, все ликовали, красный Дионис ходил по Москве и сыпал в толпу свой красный хмель»³⁵. Типичным можно считать «признательное» высказывание Н.В. Устрялова, который охарактеризовал охвативший не только массы, но и элиты, постфевральский «революционно-алкогольный синдром» следующим образом: «Да, все мы, даже самые трезвые, были хоть на миг, хоть на пару дней опьянены этим хмельным напитком весенней революции»³⁶.

По смыслу, подобные элитарные высказывания тождественны массовой присказке: «мартовское пиво с ног сбило». И таких признаний и оценок можно привести великое множество, что свидетельствует об их явной неслучайности. В массовом сознании прочно закрепился образ «пьяной революции»³⁷. Чтобы заметить, насколько действительно имманентна проблема пьянства всему российскому политическому процессу 1917 г., достаточно хотя бы бегло пролистать газеты и журналы этого времени. Терминология революционной прессы имела ярко выраженную алкогольно-тематическую направленность: «общественное брожение», «массовое помутнение», «опьянение демократией», «политический кабак», «пьяный угар», «пьяный разгул», «градус революции», «революционная сивуха», «революционный хмель», «хмельная свобода», «горькое похмелье»... и т.д. и т.п.

В политическом интерьере «Красной смуты», заметно сказавшейся на цветовой гамме многих привычных российскому обществу социокультурных символов, традиционного «Зеленого змия» нередко стали именовать «**Красным змеем**». «Русь снова пьяна, только не вином, а свободой» – подобными фразами пестрели газетные заголовки и были

переполнены тексты передовиц, не говоря уже о репортажах с мест и тем более фельетонах. Не только в газетах, но и даже в официальных докладах должностных лиц выражением высшей похвалы тому или иному политическому лидеру служил эпитет «*трезвый*» или «*трезвомыслящий*», в крайнем случае, хотя бы «*протрезвевший*» или «*отрезвленный*». Но даже при этом, как правило, констатировалось, что в текущем состоянии все равно «ни одно **трезвое** (*выделено мной. – П.М.*) слово не доходит до народного сознания»³⁸.

Соответствующие алкогольно-лексические формулировки использовались и для обзора политических событий, и для оценок своего к ним отношения. «*Кажется, наше опьянение немецкой самогонкой под названием “большевиловщина” кончилось*», – преждевременно констатировала в статье «*Похмелье*» самарская кадетская газета «Волжский день». «*Началось жестокое похмелье... Кряхтя и почесываясь, мы начинаем “подбирать” в уме, во что обошелся стране этот бесшабашный пьяный разгул*», – так, например, комментировались июльские события в Петрограде³⁹. Эта же газета позже, уже в другой передовице (со сходным названием «*Земельное похмелье*»), проводила аналогии земельных погромов в сельской местности с пьяными городскими погромами: «*Попробуйте отнять у толпы громил винных складов ту водку и тот спирт, который она глохчет, разбивая бутылки и обрезаю губы? Попробуйте потом “на уравнильных началах” отнять землю, которая будет самочинно прирезана и захвачена!*»⁴⁰...

А еще чуть позже З. Гиппиус в стихотворении с символическим названием «*Веселье*» записала: *Блевотина войны – октябрьское веселье! / От этого зловонного вина / Как было омерзительно твое похмелье, / О бедная, о грешная страна!..*

Но, дело, разумеется, вовсе не в лексике. Как уже было отмечено, Смутой с самого начала де-факто был аннулирован царский – «недемократический» – «сухой закон» (который строго говоря, так и не был окончательно легализован – по иронии судьбы, последнее обсуждение соответствующего проекта было назначено в Государственной Думе на 27 февраля 1917 г.)⁴¹. И уже 28 февраля в революционном Петрограде профессор Б.В. Никольский прозорливо записал: «...Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение

полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови...»⁴².

И действительно, провозглашенная Февралем «демократия» была воспринята как, в том числе, возможность утолить накопившуюся жажду. «Глоток свободы» перестал быть для масс всего лишь фигуральным выражением и приобрел конкретное и понятное всем наполнение (Да и вся «Февральская революция» с самого начала теснейшим образом была повязана с «пьяной темой»: так, «в частности, штурму Петропавловской крепости 27 февраля предшествовал разгром спиртоочистительного завода на Александровском проспекте...»⁴³ и т.д. и т.п.)⁴⁴.

Винные погреба, аптеки, заводы по производству спиртного и склады для его хранения и другие подобные «естественные» очаги анархии – с наступлением «революционной демократии» превратились в объекты «стратегического значения», в ситуациях любых массовых беспорядков куда более привлекательные для реальных масс, чем хрестоматийные вокзалы, почты и телеграфы. Все большее число «революционных акций» совершалось с целью завладеть спиртным и воспользоваться им по прямому назначению. Но известно, что, разогнав тоску, бывает трудно остановить веселье. И еще большее число пресловутых акций совершалось, так или иначе, под влиянием спиртного.

Так, характеризуя типичное для «революционных толп» поведение на улицах «празднующего» Февраль Петрограда, оказавшийся в эпицентре событий английский инженер Ст. Джонс обобщил результаты собственных наблюдений по-британски сдержанно, следующим образом: «...в большинстве случаев толпа врывается в аптеки, из которых выносятся любые виды спирта, который тут же на месте выпивался, в результате чего в “революционной толпе” было значительное количество пьяных и обезумевших элементов»⁴⁵. И, как признают современные историки, «значительная часть революционных акций совершалась либо с целью завладеть спиртным, либо под воздействием алкогольных паров, и может классифицироваться не иначе как пьяные погромы»⁴⁶.

Наиболее вдумчивыми исследователями подмечено также, что «потребление спиртного в революционной России являлось, помимо прочего, средством снятия ощущения неуверенности и избавления от страхов в неудобной, малопопулярной и быстро меняющейся обстановке, способом символического “исправления” действительности, восстановления разрушавшихся социальных скреп, или ухода от нее», и, кроме того, «...”психологическая” функция алкоголя не исчерпывалась желанием утопить в нем свое горе. При объяснении всплеск массового пьянства в периоды наибольшей неуверенности в будущем не следует забывать, что совместное возлияние создает иллюзию укрепления связей между его участниками, помогая не только бежать от общества, но и испытать интенсивное ощущение принадлежности к группе. В условиях ослабления и обрыва общественных связей эта функция была, видимо, особенно востребованной»⁴⁷. При этом внимание обращено на «не только опасности, но и “спасительную силу” алкоголя как структурирующей, объединяющей, мобилизующей и примиряющей с действительностью силы, как важное средство выживания в перманентной экстремальной обстановке»⁴⁸.

Не будет большим преувеличением обобщающее утверждение, что именно алкоголь был одним из важных факторов, не просто характеризующих образ смуты, но придающих некое целостное единство самой смуте в целом – он служил фактором, объединяющим представителей самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. В известном смысле, алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные. В частности, одним из функционально значимых процессов, организующих «классовое единение» в ходе «Красной смуты», являлось самогоноварение, ставшее «своеобразным каналом “смычки” города с деревней, осуществляемой через вконец распоясавшихся солдат»⁴⁹, для которых вся «демократия» свелась к возможности «погулять “как все”»⁵⁰. Причем уже

«к лету [1917 г. – П.М.] солдатская пьянь и большевизм слились в некий неразделимый развеселый образ»⁵¹.

В архивах сохранились аутентичные аналитические обзоры Главного Управления по делам милиции МВД Временного правительства, в которых даны экспертные оценки поэтапного перерастания «демократических перемен» в типичные формы «деструктивного поведения масс»: различные «эксцессы», захваты, самосуды, погромы, и, наконец, фактически антигосударственные выступления. Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию (постепенно превращавшиеся в один «всероссийский погром») самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в возбужденные сходными желаниями «массы». Они «объединяли погромные черносотенные элементы дореволюционного времени с последователями самых крайних левых течений. Политические организации перестают владеть настроениями масс, и это порождает анархию слева и контрреволюционные настроения справа...». Эксперты МВД отмечали, что излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты очень часто охотно примыкают к бесчинствующей массе. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих. «Все чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебрасываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток»⁵².

Характерное обобщающее описание места и роли «алкогольного объекта» (в данном, пожалуй, наиболее распространенном случае – спиртового завода со складом) в общественной жизни обычного русского городка периода «февральской демократии» дано П.Н. Красновым в статье «Около спирта» в июле 1917 г. В ней он описывает типичнейшую картину накопления предпогромных настроений, закономерно приводящих к типичнейшему пьяному погрому:

«В городе... не все ли равно в каком городе, в одном из многочисленных маленьких городов, рассеянных по лицу земли Русской <...> был казенный спиртоочистительный завод и склад винного спирта и денатурата. И вот, с того самого дня, как пришли в этот город солдаты – все достопримечательности города обратились в ничто... Объектом всеобщего наблюдения, местом всеобщих прогулок стал спиртовый завод и склад. Спиртовый завод не работал, но склад был полон. И это слово “полон” звучало как набатный звон... <...> ...спирт постепенно охватывал внимание, колдовал мозг, мучил сознание всей этой людской массы... <...> ...ходили с ведрами, ждали чуда... И чудо вышло. Чудо случилось. Кристальной струей забил живоительный фонтан, но принес с собою не жизнь, а смерть многим людям... <...> Пьянели сотнями, галдели, вырывали друг у друга котелки, толпились и падали под ноги перепуганных лошадей, били друг друга, целовались друг с другом, орали песни, от бешеного восторга переходили к озлоблению и тут же умирали с кровавой пеной на губах... В погребах были целые бассейны денатурата. И люди прильнули губами к фиолетовой, жгучей, отвратительно пахнущей жидкости и тянули ее полными губами, полным ртом. Слышались стоны, пьяные песни, проклятия, и на маленьком кусочке земли толклись тысячи обезумевших людей. Кто-то догадался поджечь спирт. Толпа ахнула и заревела, когда громадное голубое пламя метнулось из погребов... <...> Вой пламени сливался с ревом, хохотом, дикими возгласами и улюлюканьем толпы. <...> Это была страшная победа спирта над людьми. Более 100 трупов, как после какого-то сражения, лежало вдоль железнодорожного пути. Сто человек отдали свою молодую и кому-то так нужную, кем-то далеко любимую жизнь. За что?.. Два дня и две ночи бушевало море огня, выжигая кругом... И два дня ходила, шаталась и неистовствовала пьяная толпа, наводя ужас на обывателей. Пьяные люди врываются в мирные дома, перерывали имущество, толкали женщин, били детей, искали спирта. Нужно было опохмелиться, нужно было затуманить мозг, заставить себя позабыть все ужасы пережитого... “Сатана там правил бал!...”»⁵³.

Описанная история не является художественным вымыслом или литературной гиперболой. Случаи, когда в ходе пьяных погромов и захватов винных погребов, спиртовых заводов и складов солдаты целыми десятками напивались до смерти, широко известны. Не менее известны и случаи, когда массовое опьянение становится причиной смерти не самих *Homo ebrius*, а их трезвых жертв. Таким образом, в России (по крайней мере в 1917 г.) алкоголь был действительным и действенным фактором смуты, а *Homo ebrius* – ее реальной политической силой, оказывавшей значимое влияние практически на все массовые социальные процессы⁵⁴. Как чуть поз-

же официально сформулировал бывший, что называется, «в теме» Л.Д. Троцкий: «Водка есть такая же политическая сила, как слово»⁵⁵. В современных условиях, когда «улица» вновь стремительно вернулась в политику, актуальность проблемы, мягко выражаясь, рано считать утраченной.

В заключение подчеркнем: несмотря на очевидно значимую и весьма неприглядную роль алкоголя в описанной социально-политической истории, все же было бы в корне неверно интерпретировать революционные события того времени как только лишь пьяное безумие смуты. Затуманивая и отупляя рассудок, алкоголь во многом обнажал и обострял чувства. И ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых волеизъявлений – к последствиям массовых возлияний.

Напротив, автор убежден, что массовые феномены общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят внешне как проявления сплошного катастрофического социального безумия) внутренне подчинены неявной исторической логике более высокого порядка⁵⁶.

Тем не менее, антропологический анализ русских смут будет, безусловно, не полон без учета особенностей *Homo ebrius / Homo nimii vini*. Не следует забывать, что широко идеализируемые черты русского национального характера, с их действительно огромным положительным потенциалом, не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной социально-правовой и бытовой ментальности. Они имеют и оборотные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если политики оказываются не способными к пониманию природы и механизма массовых движений и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и партий.

Антропологическое осмысление жажды русского (как, впрочем, и любого другого) человека ввести себя в социально опасное состояние опьянения не следует подменять медицинскими предостережениями о вреде алкоголизма. Не стоит отмахиваться от давно известных и значимых для человека и общества фактов: «Человек жаждет опьянения, когда все вокруг надоело, вызывает раздражение, ничто не радует, не может заполнить пустоту в душе. Когда им овладе-

вает скука, тоска, духовная жажда, ностальгия по истине, благу, красоте, подлинному миру, абсолютному бытию. Когда хочется так недостающих радости, света, веселья, душевной полноты. Вот тогда и приходит мечта о другой, чистой, светлой и радостной жизни, желание попасть в другой мир, "увидеть небо в алмазах"⁵⁷... И уж тогда, как любовно записал за народом В. Даль: «Сторонись, душа, оболую!»... Увы, что касается, по крайней мере, массовых процессов, пьяный угар человека и общества ведет, как правило, не в «небо в алмазах», а в грязь и кровь.

Библиография и примечания

---

¹ *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 230.

² *Зимбули А.Е.* Русский этос // <http://aesthetics-herzen.narod.ru/Zimbuli.doc>. (Кстати, автор обращает внимание и немаловажное морально-психологическое обоснование распространенности Ното ebrigus среди православных: «Между нами говоря, не в оправдание пьянства, но для придания большей объективности рассмотрению “традиционной русской болезни” нелишне вспомнить, что выпивка не принадлежит к числу семи смертных грехов: их список включает в себя гордыню, жадность, блуд, тщеславие, обжорство, гнев и уныние. Если кому не лень, поищите в этом списке воровство!...»).

³ *Заиграев Г.Г.* Особенности алкогольной ситуации в России 90-х годов // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М. 2000. С. 84. См. также: *Горин Н.И.* Русское пьянство как социально-культурный феномен // *Власть*. 1998. № 3. С. 50–57. Подробнее об исторических особенностях употребления алкоголя в России см.: *Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология*. СПб., 2008.

⁴ См., напр.: *Огурцов П.П.* История формирования северного стиля потребления алкоголя в России // *Алкогольная болезнь*. М., 2000. № 6 // http://www.magalif.ru/index.php?an=stat_alco_istformir.

⁵ Цит. по: *Айзатуллин Т.А.* Теория России. М., 1999 // http://www.hrono.ru/libris/lib_a/vved.html (На самом деле перевод не точный. Оригинал см.: <http://www.bartleby.com/195/22.html> – прим. П.М.).

⁶ См.: *Вышеглазцев Б.* Русский национальный характер // *Русский мир*. М., 2003. С. 630–633.

⁷ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 75, 280; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность: (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004 // http://window.edu.ru/window_catalog/redir?id=21820&file=bezgin.pdf.

---

⁸ См., напр.: *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86–91 // <http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>.

⁹ *Булдаков В.П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 32.

¹⁰ *Аверьянов В.В.* Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 96.

¹¹ См., напр.: *Нарский И.В., Хмелевская Ю.Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгромов винных складов в России 1917 г.) // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 259–281.

¹² *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 62–63

¹³ См., напр.: *Марченя П. П.* «Зеленый змей» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43 // <http://users4496447.socionet.ru/files/zmiy.pdf>.

¹⁴ Еще раз подчеркнем, что неэффективность подобных мер не является какой-то «чисто русской» особенностью. По выводам современных специалистов, «искоренить или резко снизить принудительными мерами потребление алкоголя населением в короткие сроки не удалось за последние два столетия ни одному правительству в мире» (см.: *Быкова А. Г.* Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореферат дис. ... д.и.н. Омск, 2012. С. 3).

¹⁵ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута [2 изд.]. М., 2010. С. 723.

¹⁶ *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 57. О роли «сухого закона» в генезисе революции 1917 г. см. также: *Аксенов В. Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139. Подробнее: *Его же.* «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. Саарбрюккен, 2012.

¹⁷ *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроениях) // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 192–193.

¹⁸ См., напр.: *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа: [Пьянство] // <http://bibliotekar.ru/dal/74.htm>.

¹⁹ Об актуальности изучения «карнавальной» культуры для постижения особенностей политического процесса в России вообще и российских революций в частности, см., напр.: *Бляхер Л.Е., Говору-*

хин Г.Э. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. 2006. № 5. С. 58–74.

²⁰ *Генон Р.* О смысле карнаваловых праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 47.

²¹ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 112.

²² Цит. по: *Симуш П.И.* Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М., 1991. С. 234.

²³ *Безгин В.Б.* Указ. соч. С. 172.

²⁴ Там же.

²⁵ *Алексеев А.* Падение монархии в России: заговоры и революция // Наука и жизнь. 2007. № 11. С. 62.

²⁶ *Веселовский С.Б.* Страницы из дневника. 1917–1923 // Из старых тетрадей. М., 2004. С. 28.

²⁷ *Павлова Т.А.* Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 173.

²⁸ *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2010. С. 370.

²⁹ Скифы: сборник 1-й. Пг., 1917. С. X.

³⁰ *Волошин М.А.* Святая Русь // *Волошин М.А.* «Средоточье всех путей...». М., 1989. С. 78.

³¹ *Солоневич И.Л.* Россия и революция. М., 2007. С. 386.

³² *Булгаков С.Н.* Автобиографическое [Пять лет (1917–1922)] // С. Н. Булгаков: Pro et contra. СПб., 2003. Т. 1. С. 99.

³³ *Булгаков С.Н.* На пиру богов // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 112.

³⁴ См. также: *Галин В.В.* Война и революция. М., 2004. С. 80.

³⁵ *Булгаков С.Н.* Автобиографическое. С. 101.

³⁶ *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 204–205.

³⁷ См. также: *Нарский И.В.* «Пьяная революция»: население и алкоголь на Урале в 1917 г. // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 193–212; *Булдаков В.П.* Революционная наркотизация: параметры проблемы // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 300–312.

³⁸ См., напр.: ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–2 (Из доклада Московскому совещанию общественных деятелей (12–15 августа 1917 г.) о необходимости установления в России военной диктатуры...).

³⁹ Волжский день. Самара. 1917. 18 июля.

⁴⁰ Там же. 12 октября.

⁴¹ См.: *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции. С. 137.

⁴² Цит. по: *Чхартушвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.

⁴³ См.: *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции. С. 139; *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: [Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева] // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 64.

⁴⁴ О «пьяном вопросе» в февральской и постфевральской России образца 1917-го см. также, напр.: Веселие Руси. Век XX. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007. С. 151–189; *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. С. 99–141.

⁴⁵ *Jones S.* Russia in Revolution. Being the Experience of an Englishman in Petrograd During the Upheaval. – London, 1917. P. 118. См. также: *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. С. 100.

⁴⁶ *Рышков В.* Водка казенная, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50.

⁴⁷ *Нарский И.В.* Алкоголь в русской революции (1917–1922 гг.) // Алкоголь в России. Иваново, 2012. С. 30, 31.

⁴⁸ Там же. С. 31–32.

⁴⁹ *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 114.

⁵⁰ *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем». С. 60.

⁵¹ *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 123.

⁵² См.: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151 об., 152, 153 об.

⁵³ *Краснов П.Н.* Около спирта // Нива. 1917. № 29 (22 июля). С. 448–451.

⁵⁴ Некоторые современные авторы склонны вообще даже чуть ли не все уличные лозунги и революционные песни в 1917 г. физиологически связывать с массовым употреблением алкоголя. Так, В.Б. Аксенов отмечает: «Известно, что активные дыхательные упражнения способствуют выветриванию алкогольных паров. Толпа в подавляющем большинстве не понимала своих лозунгов, просто, чтобы протрезветь, нужно было петь и кричать – а что кричать, значения уже не имело» (*Аксенов В.Б.* «Сухой закон» как фактор: Крах Российской империи в 1914–1917 гг. С. 103).

⁵⁵ *Троцкий Л.Д.* Заключительная речь на заседании Петроградского Совета о заговоре кадет и пьяных погромах // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Пг., 1917. 8 декабря.

⁵⁶ См., напр.: *Марченя П.П.* Безумие и логика Смуты-1917: большевики в зеркале массового сознания // Знание-сила. 2010. № 11. С. 57–64 // <http://www.docme.ru/doc/83027/znanie---sila-2010-11.pdf>

⁵⁷ *Гурин С.* Праздник и опьянение как антропологические феномены // Топос. Литературно-философский журнал. 2009. 23 апреля // <http://topos.ru/article/6666>.